

# ВАТУТИН



Николай  
Карташов



ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Жизнь замечательных людей

Николай Карташов

**Ватутин**

«ВЕБКНИГА»

2020

## **Карташов Н. А.**

Ватутин / Н. А. Карташов — «ВЕБКНИГА», 2020 — (Жизнь замечательных людей)

ISBN 978-5-235-04364-0

Герой Советского Союза генерал армии Николай Фёдорович Ватутин по праву принадлежит к числу самых талантливых полководцев Великой Отечественной войны. Он внёс огромный вклад в развитие теории и практики контрнаступления, окружения и разгрома крупных группировок противника, осуществления быстрого и решительного манёвра войсками, действий подвижных групп фронта и армии, организации устойчивой и активной обороны. Его имя неразрывно связано с победами Красной армии под Сталинградом и на Курской дуге, при форсировании Днепра и освобождении Киева... Не случайно Ватутина называли «генералом от наступления», «генералом от победы». А немецкие военачальники, испытавшие силу и мощь ватутинских ударов, окрестили его гроссмейстером. Узнав о смерти Ватутина, генерал-инспектор танковых войск вермахта Гейнц Гудериан сказал шеф-адъютанту А. Гитлера: «Поздравляю нас всех. Это известие равноценно сообщению о победе в большом сражении... Очень опасно иметь такого противника».

ISBN 978-5-235-04364-0

© Карташов Н. А., 2020

© ВЕБКНИГА, 2020

# Содержание

Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

# Николай Карташов

## Ватутин

© Карташов Н. А., 2020

© Издательство АО «Молодая гвардия», художественное оформление, 2020

*Есть имена, произнося которые, мы должны снимать шапку.  
Ватутин, Черняховский, Ефремов, Карбышев, Панфилов... Это  
подлинные герои войны.*

*Маршал Советского Союза А. М. Василевский*

## *Глава 1*

### **Из рода служилых людей**

Село Чепухино<sup>1</sup> затерялось среди невысоких меловых гор, которыми богаты здешние чернозёмные края. Само село небольшое – всего 74 двора. Поэтому жители зовут его на свой лад – Чепухинкой. Такое уменьшительно-ласкательное название им привычнее и милее. А себя они величают просто – чепухинцами. В далеком XVII веке казак Аким Чепухин забил тут первый кол, от фамилии и пошло название населенного пункта. Не стало дело и за жителями. Вскоро казак перевез на новое место свое семейство.

Пошло прибавление и со стороны. Из ближайших крепостей – Палатовской и Валуйской стал здесь селиться отставной служилый люд. Пушкари, стрельцы, казаки, ямщики... Нравилось им здесь. В лесу – зверь и дичь нестреляные, в речке – рыба неловленая, а в угодах – травы некошенные да плоды несобранные. Вчерашние служилые строили дома, создавали семьи, обзаводились хозяйством. К началу XX века в казенном селе Чепухино Валуйского уезда Воронежской губернии насчитывалось 511 селян, из которых мужского пола было 264 человека и 247 – женского. В селе имелись Архангельская церковь, два общественных здания, земская школа и винная лавка.

Чепухино расположено в просторной зелёной ложине. Нет с ним рядом больших городов, не проходят через него ни почтовые тракты, ни каторжные пути. Поэтому новости страны, губернии и даже уезда доходят до этого тихого местечка с опозданием, а спокойная, размеренная жизнь селян лишь изредка нарушается веселой свадьбой или шумными проводами чепухинских парней в армию.

Если смотреть на Чепухино сверху, то его белые хаты-мазанки под соломенными и камышовыми крышами чем-то напоминают дружное семейство грибов подберезовиков на лесной опушке. По одной стороне Чепухина торопливо бегут, искрятся под летним солнцем то золотом, то серебром прозрачные воды речки Палатовки. На другой – выстроились в один длинный ряд меловые горы, очень похожие на пузатые амбарные мешки с мукой или сахаром. От солнечных лучей горы тоже переливаются и блестят, как рыбная чешуя, вкраплениями кварцитов и сердоликов. Вскарabкаться на самую высокую гору, обозреть оттуда соколиным взором родное село – один из первых экзаменов для чепухинских мальчишек.

Хата семьи Ватутиных стоит прямо у подошвы высокой меловой горы. Гору эту Колька Ватутин покорил, когда ему исполнилось пять лет. С передышками он преодолел тогда многометровое расстояние. На самой макушке горы всю гулял вольный степной ветер, едва не сбивая с ног, но настырный пацаненок выдержал испытание и добился своей цели. Он гордо стоял на вершине, теплый забияка-ветер обдувал его счастливое загорелое лицо, трепал белые, как лён, вихрастые волосы на голове. А внизу, словно на ладони, в полуденной дреме лежала родная Чепухинка, вся утопающая в подсолнухах, вишневых и яблоневых садах. Хаты казались маленькими, а люди во дворах и на улицах были такими же мелкорослыми, как он сам.

«Родился 16 декабря<sup>2</sup> 1901 г. в семье крестьянина в селе Чепухино Валуйского района Курской области<sup>3</sup>, – написал будущий полководец в автобиографии, хранящейся в его личном деле. – До Великой Октябрьской революции родители занимались земледелием, причем до 1911 года отец жил в общей семье со своими двумя братьями и несколькими сестрами. Воз-

---

<sup>1</sup> В 1958 году Указом Президиума Верховного Совета РСФСР село Чепухино было переименовано в Ватутино, в память о генерале армии Н. Ф. Ватутине.

<sup>2</sup> По новому стилю или 3 декабря по старому.

<sup>3</sup> Валуйский район был создан на месте одноименного уезда в 1928 году и вошёл в состав Центрально-Чернозёмной области. В 1934 году он был передан в Воронежскую область, а в 1954-м – в Белгородскую, куда входит и сегодня.

главлял семью мой дедушка. Семья в тот период по численности достигала до 25–26 человек и имела одно общее хозяйство – зажиточное, состоявшее из одной хаты, надворной постройки, ветряной мельницы, конной молотилки и 3–4 лошадей. Земли было: наделной до 15 десятин и кроме того почти ежегодно бралось в аренду у помещика до 10 десятин. Наемный труд не применялся...»

Между тем корни Ватутина, как считают некоторые исследователи его жизни и деятельности, отнюдь не крестьянские, хотя во всех заполняемых анкетах в графе «социальное происхождение» Ватутиным собственноручно записано: «Из крестьян». То, что семья Ватутиных крестьянская, подтверждают и результаты Всероссийской переписи населения 1897 года по Валуйскому уезду.

Но вот что пишет в своей книге «Воронежское дворянство: Случайные заметки любителя-генеалогога» известный русский генеалог Л. М. Савелов: «Ватутины принадлежали к обедневшим дворянам, которые впоследствии перешли в сословие крестьян». Родословную дворян Ватутиных Савелов разыскал в новгородских землях. Именно там жил в XV веке Михаил (Михал) Ватутин, а его потомок упоминается в деле об убийстве в 1591 году царевича Дмитрия в Угличе. Далее Савелов из новгородской ветви рода выделяет ветвь Ватутиных, обосновавшихся в Новоторжском уезде. Позднее представители этой линии служили в городе Короча и имели свои поместья в Валуйском и Ливенском уездах, то есть в краю, где как раз и родился наш герой. В пользу версии о дворянском происхождении предков Николая Федоровича служит тот факт, что Ватутины никогда не были крепостными, а принадлежали к так называемым государственным крестьянам, частью которых становились обедневшие дворяне.

К сожалению, Савелов по каким-то причинам не смог дальше проследить генеалогию Ватутиных. Однако в материалах других исследователей находим интересующие нас страницы родословной Ватутина. В частности, выходец из здешних мест, краевед П. А. Сопин, изучив ревизские, писцовые и переписные книги города Валуйки, установил несколько имен однодворцев Ватутиных, имевших непосредственное отношение к родословной героя нашего повествования. Это – Емельян Савельевич Ватутин, которому за безупречную службу вблизи города Валуйки была выделена земля, и Степан Кириллович Ватутин, служивший в рейтарах. В переписи жителей города Валуйки за 1792 год также встречается Петр Иванович Ватутин – однодворец.

Предки последнего были выходцами из слободы Большие Липяги Валуйского уезда и являлись служилыми людьми Палатовской крепости, построенной в 1671 году по указу царя Алексея Михайловича казаками Острогжского полка для защиты Русской земли от набегов нагайцев и крымских татар.

Их служба проходила в рейтарском полку. Таких полков, созданных в России, было двадцать пять, и один из них квартировался в Валуйском уезде. В войсках русской конницы рейтары принадлежали к так называемым частям «Нового строя», отличались отменной выучкой и были прекрасно снаряжены. Служить в таких полках считалось за честь. «Конница щеголяла множеством чистокровных лошадей и хорошим вооружением», – свидетельствовал современник.

В Чепухине потомок рейтаров Петр Иванович Ватутин объявился между 1763 и 1782 годами. По другим источникам, он пустил корни в здешних местах намного раньше, в 1740 году. Как гласят документы, прибыл сюда прапрадед Николая Федоровича Ватутина вместе со своим семейством. Семья у Петра Ивановича была большая: жена Дарья Ивановна; дети: сыновья Фотей, Прокофий, Матвей, Абрам, Ермолай и дочери Евфимия и Евдокия.

Дальше семейный формуляр Ватутиных оказался незаполненным вплоть до Григория Дмитриевича Ватутина. Однако сведений об этом человеке мы сегодня имеем намного больше, чем о других предках нашего героя. Григорий Дмитриевич приходится полководцу родным дедом. Документы, воспоминания людей, его знавших, свидетельствуют, что Григорий Ватутин

18 лет служил в кавалерии – самом престижном роде войск того времени и не жалел живота своего ради родного Отечества.

Особенно Григорий Ватутин отличился на полях сражений Русско-турецкой войны 1877–1878 годов, а именно при взятии турецкой крепости Плевны. Несколько месяцев у ее стен шли тяжелые, кровопролитные бои. Трижды наши войска штурмовали Плевну, потом долго осаждали и все-таки заставили гарнизон под командованием Осман-паши капитулировать. В плен сдались 10 генералов, 2128 офицеров, 41 200 солдат. Осман-паша, раненный в ногу, отдал свою саблю победителям. Дивизия прославленного генерала М. Д. Скобелева, а именно в одном из ее эскадронов служил Ватутин, до конца участвовала в блокаде. В октябре 1877 года скобелевцы блокировали турецкие окопы, опоясав их своими траншеями, словно стальными обручами. Турки не раз пытались выбить русских, но успеха не имели.

Сам генерал Скобелев пребывал в одной из траншей рядом со своими солдатами и лично отправлял на вылазки охотников, давая им наставления – как воевать с врагом, как выбивать его штыками. Во время одной из ночных вылазок Григорий Ватутин был ранен, но из боя не вышел. После был отправлен в госпиталь, куда Скобелев прислал ему, раненому солдату, конверт, а в нем лежал Георгиевский крест. На конверте генерал собственноручно начертил:

«В траншеях, 31 октября 1877 года.

Кавалеристу Ватутину, согласно обещания, за распорядительность, мужество и храбрость, оказанную в деле с 29 на 30 октября. За Богом молитва, за царем служба не пропадет. От души поздравляю тебя, уважающий Михаил Скобелев».

За почти два десятка лет службы Григорий Ватутин прошел верхом в жестком седле со своим эскадронам не одну сотню верст, поучаствовал в разных боях и сражениях. Был мечен и пулей, и клинком. Однако о войне и жарких схватках на горных вершинах Шипки, на полях под Плевной и Софией, где потерял немало боевых товарищей, о тяготах и невзгодах, которые пришлось пережить и перенести, Григорий Ватутин вспоминать не любил. Зато часто пел – это занятие ему нравилось, и, похоже, песня уносила его в далекую и лихую кавалерийскую молодость:

Как решил султан турецкий  
С нами шутку пошутить,  
Он собрал господ пашей-начальников,  
Стал им речи говорить,  
Раз, два, три,  
Стал им речи говорить:  
«Господа паша-начальнички мои!  
Я султан, султан турецкий,  
Всему царству голова,  
Я задумал думу крепку  
И хочу вам рассказать:  
В семьдесят седьмом году  
Хочу с русским воевать,  
Раз, два, три,  
Хочу с русским воевать...»

Но правда и то, что, когда внук просил деда рассказать о войне, он тому никогда не отказывал. Усадив маленького Колю на колени и закулив трубку, старик начинал неспешный рассказ о том, как «ослобонял» братьев-славян от турок, как ползал по-пластунски по кремнистой плевенской почве и как с самим «Белым генералом» ходил в контратаки на супостата... Впрочем, мысленно представим диалог деда и внука.

– Дедусь, а кто такой «Белый генерал»? – спрашивает у него внук.

– Его превосходительство генерал от инфантерии Михаил Дмитриевич Скобелев, – по военному четко, потрясая указательным пальцем, отвечает дед. – Таких генералов, как он, я боле на этом свете не встречал. Где это видано, чтоб генерал с солдатом в одной траншее сидел и кашу с ним из одного котелка ел?! Для него ж – дело обыденное. Суворов, сказывают, таким был. А «Белым генералом» его прозвали за то, что он всегда перед офицерами и нами, солдатами, появлялся в белом мундире и на белом коне. В такой форме он был как будто заговоренный – ни одна пуля его не брала...

– Дедусь, а ты с «Белым генералом» часто встречался?

Дед берет в рот трубку, делает глубокую затяжку, затем медленно выпускает из рта клубы едкого махорочного дыма.

– Вот как с тобой – кажий божий день виделся, когда в траншеях вместе сидели, – с гордостью говорит он. – Лично от него и крест Святого Егория получил...

В начале 90-х годов прошлого столетия, когда Россия горько оплакивала поражение своей армии в Русско-японской войне, дед, подобно многим другим соотечественникам, часто грустно вздыхал и восклицал:

– Эх, нет у нас Скобелева, он бы показал треклятым япошкам, где раки пучеглазые зимуют!..

Первый биограф Н. Ф. Ватутина М. Г. Брагин пишет, что дед Григорий Дмитриевич Ватутин был «умный, честный, суровый старик. Он прослужил в свое время 18 лет в кавалерии, привык к распорядку и установил дома строгие правила». И далее: ...«однако все знали, что нет на селе более отзывчивого и справедливого человека, чем Григорий Дмитриевич, и не было случая, чтобы он не помог попавшему в беду человеку. Внешняя замкнутость, суровость и одновременно отзывчивость и доброта передались от деда Григория многим Ватутиным».

Отец будущего полководца, Федор Григорьевич, был по натуре такой же честный, отзывчивый, работающий и молчаливый. Ватутин в автобиографии так рассказывает о нём: «В 1911 году отец отделился от общей семьи и продолжил заниматься сельским хозяйством, имея средняцкое хозяйство, состоявшее из одной-двух лошадей, одной коровы и около десяти-одиннадцати десятин надельной земли».

Уместно сказать, что с детства Коля очень уважал своего отца, а став взрослым, говорил о нем только с душевной теплотой.

Мать, Вера Ефимовна, всегда была в трудах и заботах. Она первой поднималась до зари и последней ложилась спать. Все спорилось в руках этой подвижной и старательной женщины – готовила ли она пищу или жала рожь, шила ли одежду или ткала холст... А ещё на ее руках было пять сыновей – Павел, Николай, Афанасий, Семен, Егор и четыре дочери – Матрена, Дарья, Елена, Клавдия, которых она заботливо растила и воспитывала.

По воспоминаниям детей, отец с матерью жили в любви и согласии, радовались появлению каждого нового ребенка. В этой многодетной трудолюбивой семье и рос будущий полководец. За одним столом все Ватутины не умещались. Как уже сказано, вкупе с семьями братьев отца семейство насчитывало 25 человек. Но обедать или ужинать всегда собирались вместе. Зимой в хате ставили два больших стола. Тесновато, но, как говорится, в тесноте да не в обиде. Зато летом места всем хватало, поскольку трапезничали на свежем воздухе. Расстилали во дворе на траве широкую длинную холстину, служившую скатертью, расставляли по углам миски на семью каждого сына, раскладывали ложки, крестились, а затем под громкую команду деда: «Садись!» – дружно принимались за еду.

Так было и в работе. Наступало время сеять – вся семья, от мала до велика, трудилась в поле. Но поскольку нашему герою было еще рано управлять лошадьёю или идти за плугом, он вместе с дедом выполнял обязанности севца. И не было для маленького Коли большего счастья, как шагать с холщовой сумкой через плечо по теплой весенней пашне и разбрасывать сначала

в одну сторону, затем – в другую горсть за горстью зерна пшеницы. А приспевала сенокосная пора – опять вся семья выходила на сочные луга, чтобы заготовить сено для многочисленной домашней живности – лошадей, коров, овец... И хотя у Коли еще не хватало силенок, чтобы махать косой и валить тяжелые росные травы, без дела не сидел: ворошил граблями валки, помогал складывать сухое сено в копны.

Вообще детство Коли мало чем отличалось от детства таких же, как он, чепухинских ребятшек: они рано приобщались к нелегкому крестьянскому труду, быстро выросли. Но хватало времени и на забавы. Зимой одним из главных увлечений Коли и его друзей было катание на санках с меловых гор. Взбирались на самую высокую и оттуда, взяв старт, летели наперегонки вниз. Каждый из мальчишек старался показать свою сноровку, ловкость, умение управлять санками и проехать на них как можно дальше, с большой скоростью. Бывало, санки с ездоками сталкивались, переворачивались. Итог – санки в разные стороны, а ездоки головами в сугробы. Домой Коля возвращался весь в снегу, с красными от мороза щеками... И сразу к печке, отогревал руки, ноги...

Летом развлечений было побольше. Ходил со старшим братом Павлом в ночное с лошадьми, на рыбалку, купался со сверстниками в реке... Эх, как же было замечательно! Особенно на рыбалке. Раннее утро. Красным тяжелым диском, нехотя отрываясь от горизонта, над сонной землей поднимается солнце. Густые пахучие травы от обильной росы, словно в серебре. Над рекой плывет туман. В прибрежных камышах звенят комары. В просыпающейся реке отчетливо слышны всплески играющей рыбы. Во времена детства и юности Ватутина рыбы в реке Палатовке водилось много, ловили ее бреднем, кобылками, удочками. А бывало, что в качестве снастей использовали подол рубахи или старый мешок. На рыбалку обязательно брали с собой не только снасти, но и чугунок, в котором обычно варили уху из окуньков, щурят, пескарей или картошку в «мундире».

В 1909 году, восьми лет от роду, Коля пошел в земскую школу с четырехлетним обучением. Школа находилась в «караулке» – так называли чепухинцы сторожку при церкви. В «караулке» имелись четыре крохотные комнатки с маленькими подслеповатыми окошками. В двух жили сторож и школьный учитель. А в двух остальных были устроены классы. Учителя звали Николай Иванович Попов. Настоящий народный учитель, сеявший доброе, вечное, вводивший сельских ребят в мир знаний.

Как пишет биограф Брагин, учитель Попов был замечательным педагогом, он заботился о своих учениках, развивал в них любознательность, пробуждал любовь к родному краю, русской литературе, истории России. Учитель также организовал кооперативную лавку (ее казначеем был избран пользовавшийся репутацией честнейшего человека Федор Григорьевич Ватутин), привлек к работе своих учеников. Они должны были не только помогать учителю, но и решать при этом арифметические задачи: сколько нужно кооперативу мешков для соли и бочек для дегтя, сколько досок потребуется, чтобы околотить эти бочки. Правда, кооператив не смог выдержать конкуренции с местными лавочниками, но крестьяне долго вспоминали о нем добрым словом.

Николай Иванович часто проводил уроки среди живой природы. Вместе с учителем ребята ходили по окрестным полям и лесам, где познавали окружающий мир: какие растения и деревья растут в их краю, какие звери и птицы обитают в окрестных дубравах и какие виды рыб водятся в речке Палатовке. Еще одним увлечением учителя и его учеников было проведение раскопок древних курганов, которых много сохранилось в здешних краях. Первым помощником учителю был Коля Ватутин. Во время раскопок юные археологи находили монеты, различные предметы утвари. Все находки потом становились экспонатами школьного краеведческого уголка.

Учеба старательному ученику Коле Ватутину давалась легко. Закон Божий, математику, грамматику, другие предметы он осваивал быстрее и лучше своих сверстников. По этой причине он все четыре года подряд оставался лучшим учеником в школе.

– Ваш Коля – очень способный ученик, ему не то что в классе – в округе нет равных, всё схватывает на лету, – нахваливал его родителям учитель. – Таких, как он, нельзя отрывать от учения. Мальчику обязательно нужно учиться дальше.

В 1913 году Коля успешно окончил школу. В свидетельстве, которое ему выдали, стояли только отличные оценки. Родители, конечно, порадовались за успехи сына. Как-никак, а их Колька первый ученик на селе. Но и ближайшее будущее отрока они к тому времени тоже определили.

– Не обижайся, сынок, но учеба твоя закончилась, – без всяких предисловий сказал, как отрезал, отец. – Читать, считать, писать научился – и на сём хватит. Сам знаешь, сколько у нас ртов, а работников – я, мать да братка твой Пашка. Где уж тут продолжать образование?! Так что помощником ты будешь в самый раз.

Как вспоминали потом родственники, после объявления такого приговора Коля стал сам не свой. Он молча вышел из хаты, тяжелые, словно свинец, слезы текли по щекам. Присев на корточки в темном углу сарая, мальчик горько заплакал. Его несколько раз звали кушать. Но ему никого не хотелось ни видеть, ни слышать. Обида жгла сердце. И лишь тогда, когда темная вуаль сумерек опустилась на землю, когда стихли родительские разговоры, он покинул свое убежище. Однако в хату спать не пошел. Лёг на телегу, подложил под голову обе сложенные руки и долго-долго смотрел на усыпанное звездами небо, так и не уснув до утра.

Возможно, через день-другой, забыв все обиды, Коля бы смирился со своей незавидной судьбой. Но вмешался случай. Близ села, на бугре, неподалеку от речки разбил свои шатры цыганский табор. Пока ромы<sup>4</sup> распрягали лошадей, разводили костры – их жены, брэнча монистами и серьгами, пошли по дворам промышлять и добывать пропитание. Во двор к Ватутиным заглянула средних лет цыганка, встретив там нашего героя:

– А кликни-ка, хлопче, маты!

Из хаты вышла Вера Ефимовна. Зная о том, что у цыган в голове только одно на уме, как бы ловчее человека обмануть, Вера Ефимовна недоверчиво посмотрела на незваную гостью. И тут же хотела её благословить на все четыре стороны. Но цыганка, будто угадав мысли хозяйки, сразу взяла инициативу на себя.

– Не прогоняй меня, милая, – сверкнула она своими ярко-черными глазами. – Давай-ка, милая, на твоего белобрысого погадаю. Я судьбы, как книжки, читаю. По рукам, на бобах, на картах...

– А что на него гадать, – ответила Вера Ефимовна, прижав к себе сына. – Ему и так от нашей крестьянской доли никуда не деться...

– Ой, не скажи, милая, не скажи, – сказала цыганка, вынимая откуда-то из своих многочисленных юбок колоду карт. Затем, пристально посмотрев на мальчишку, разложила карты.

– Умный, шибко умный, он у тебя, милая, – продолжала гадалка. – По всему белому свету слава громкая о нём пойдёт. Вспомнишь потом мои слова. А пока посеребри мне ручку...

Факт встречи матери и сына с цыганкой со ссылкой на сестёр нашего героя привел в своей книге «Юность генерала Ватутина» писатель В. В. Колесник. «И ведь всё сбылось, – говорила одна из них. – И про учёность его, и про славу...» Еще, как свидетельствовала она, цыганка якобы сказала Вере Ефимовне о том, что придет страшная беда и ее сын погибнет в разгар своей славы, но произойдет это не скоро.

Поверила ли тогда Вера Ефимовна в пророчество гадалки или нет – ответа через версты времени нам уже не найти. Однако, по утверждению сестер, после ухода цыганки между роди-

---

<sup>4</sup> Ромы – самоназвание цыган.

телями вновь состоялся разговор о дальнейшем продолжении учебы Коли. Но окончательное решение ими было принято после посещения их дома учителем, который, узнав, что его ученик дальше учиться не будет, заглянул к ним вечером на огонек.

– Фёдор Григорьевич, что ж вы хлопшу дорогу закрываете? – без всяких заходов начал разговор Николай Иванович. – Разве вы не видите, как он к грамоте тянется?

– Цветок тоже к небу тянется, да выше берёзы никогда ему не вырасти, – не задержался с ответом отец. И продолжил: – Что учёному за плугом ходить, что неучёному – разницы нету никакой...

– Тут вы правы, Фёдор Григорьевич, – согласился учитель. – Но учеба даст ему возможность выбраться на свет божий, на широкую дорогу. Сколько из простого сословия вышло великих людей! Получив образование, он ведь может потом стать учителем, бухгалтером, доктором...

– Генералом, – вставил свое словечко, будто пику в мишень воткнул, присутствовавший при разговоре дед.

– А что? Чем чёрт не шутит! Бог знает, может и генералом ему суждено стать, – поддержал деда Николай Иванович. – Одним словом, учиться ему дальше надо!

Трудно сказать, что в самом деле повлияло на родителей: волшебные чары цыганки или убедительные доводы учителя, но судьба сына наконец-то была решена – он едет учиться!

Быстро, словно июльская гроза, пролетело лето. В один из последних его дней дед Григорий запряг лошадь, сложил в телегу нехитрые пожитки школяра и съестные припасы.

– Ну, внучек, прошу садиться... Довезу, как генерала.

«Генерал» Ватутин, попрощавшись с родителями, братьями и сестрами, радостно залез на телегу, плюхнувшись в душистое сено. Щелкнули вожжи. Лошадь слегка вздрогнула.

– Но-о-о-о! – протяжно подал команду дед. – Трогай, родимая!

Вослед мать трижды перекрестила сына:

– С Богом!

Мелькнули перед глазами Коли заплаканные лица матери, сестер и младших братьев, камышовая крыша хаты, серый кот на плетне и большой рыжий петух-драчун перед воротами... Зацокали копыта, заскрипели колеса, отмеряя путь версту за верстой. Меловая дорога убегала в синеющую впереди даль и звала за собой.

Город Валуйки, куда вскоре дед привез Колю учиться в двухклассном земском училище, являлся уездным центром Воронежской губернии. Основанный в далеком 1593 году на Муравском шляхе как город-крепость для защиты южных границ Русского государства, Валуйки много повидали и испытали на своем веку.

Издrevле в этом городе жили казаки, стрельцы, пушкар... А его стены мечены и стрелами крымских татар, и ядрами пушек польских шляхтичей, и пулями литовских рыцарей. Здесь располагались таможня, пограничная стража, почтовые и посольские учреждения, где происходил обмен послами и пленными между Московским государством и Крымом.

Некогда по улочкам Валуек хаживал Петр I. Во времена его царствования город был одним из отправных пунктов для Азовских походов. Именно отсюда русские войска маршевым порядком уходили воевать с турками. В Валуйках государь оставил о себе добрую память: пожаловал деньги на строительство нового храма, собственноручно сделал его чертеж, а также подарил три иконы – Владимирской, Смоленской и Тверской Божией Матери.

Когда в 1708 году вспыхнуло восстание Кондратия Булавина, его кровавые сполохи докатились и до Валуек. Однако служилый народ, верный присяге, отказался выступить на стороне бунтовщиков. Сам же город стал одним из тех мест, куда направляли плененных повстанцев. Примечательно, в крепости под арестом содержались сын и жена Булавина.

Отметились в разное время в Валуйках еще два народных заступника – Степан Разин и Емельян Пугачев. Первый пытался поднять служилых людей идти против царя. Но те,

несмотря на разинские посулы, так и не встали под его мятежные стяги. А второй, скрываясь от властей, под видом раскольника-старообрядца пробирался из Чернигова на Дон. В Валуйках, на посту пограничной стражи, будущий лжецарь Петр III, не вызвав никаких подозрений, получил штамп в паспорте и благополучно продолжил свой путь.

В глубине веков, порывшись, можно отыскать еще немало других страниц, связанных с историей этого небольшого городка-стража земли Русской. К их написанию в разные годы напрямую был причастен и род Ватутиных, о чем уже было сказано в повествовании. Продолжать писать новые страницы теперь предстояло нашему герою.

И хотя Валуйки находились неподалеку от Чепухино – всего в каких-то двадцати с лишним верстах, маленькому Коле казалось, что он попал чуть ли не в тридевятое царство. Много для него здесь было впервые. Пыхтящие клубами дыма паровозы, словно драконы, на станции. Снующие по мощенным булыжником улицам брички и дрожки разных фасонов. Великое множество разодетого народа на Красной площади – именно такое название носила площадь в Валуйках. Обилие магазинов и лавок с яркими вывесками... Да и здание училища, где Коле предстояло учиться, поражало своим внешним видом: кирпичное, двухэтажное, с большими светлыми окнами<sup>5</sup>. Куда там затрапезной чепухинской «караулке»!

На жительство наш герой был определен в Казацкую слободу, в «собственный дом» семейства Силиных, глава которого приходился племянником деду. Но «собственным домом», как писал один из биографов Ватутина, оказалась обычная хата с большой комнатой. В этой комнате и обитало многочисленное семейство. Не сказать, что приезде родственника здесь шибко обрадовались. Приняли сдержанно, выслушали деревенские новости, накормили, выделили угол для проживания. Так началась для Коли жизнь в уездном городе.

Каждое утро наш герой торопился в училище, которое находилось на Харьковской улице. «Ходил Ватутин в синей рубашке-косоворотке, чёрных брюках, заправленных в сапоги. Он был невысокий, коренастый, светловолосый», – описала его портрет одна из одноклассниц.

Путь в училище был неблизкий – ежедневно Коле приходилось пешком отмерять пять километров туда и пять обратно. И не важно: сыпал ли нудный октябрьский дождь или кружила колючая февральская метель... Как рассказывали потом его сверстники, ради знаний Коля готов был топтать хоть сто верст с гаком и при любой погоде.

Уроки всегда начинались с молитвы, которая проходила в актовом зале. Ученики и преподаватели стояли в почтительном молчании перед огромным портретом царя и сияющей золотом иконой.

– Преблагий Господи, ниспошли нам благодать Духа Твоего Святаго, – громко звучал в тишине басовитый голос священника отца Николая.

Молитва длилась полчаса. Дальше, согласно расписанию, шли занятия по другим предметам учебной программы. Как в школе, так и в училище Коля с первых дней учебы стал прилежным учеником. По знаниям, по развитию он значительно опережал своих сверстников.

Впоследствии П. И. Стефаний, одноклассница Ватутина, дала ему такую характеристику: «Сам Коля учился хорошо, но был вредный: мы, девчонки, слабо успевали по математике, но когда пытались списать у него решение задачи, он не позволял, говоря при этом: “Думай сама!”».

Интересные воспоминания об училищной поре оставил близкий друг будущего полководца И. И. Насонов. Вот его рассказ: «Среди сверстников за приметил я паренька на вид худощавого, небольшого роста. Он учился в одном классе со мной. Это был Коля Ватутин из деревни Чепухино. После окончания с отличием церковно-приходской школы его, как лучшего ученика, направили для продолжения учёбы в Валуйки, в двухклассное уездное училище. И здесь он был одним из одарённых, которого преподаватели нередко ставили в пример. Я

---

<sup>5</sup> Сегодня в здании училища располагается Валуйский историко-художественный музей.

хорошо знал материальное положение Коли. Жилось ему тяжело. Получал пособие – три рубля в месяц, жил на частной квартире в пригородной слободе Казацкой. Одет был бедно. Нередко выпадали дни, когда Коля голодал. Естественной была его тоска по дому. Мы с ним часто поднимались на Шип-гору и смотрели в ту сторону, где в дымке терялось родное Чепухино. По праздникам вместе ходили домой, через Рождественскую гору. Коля любил петь. Выйдем за околицу, и он начинает: “Помните, братцы, как вместе сражались под городом Львовом...” Мы с Андрейкой, нашим другом, подхватывали песню. Забывали в этот миг все горести и невзгоды жизни...»

И еще из его воспоминаний: «Случилось как-то такое, что Николай на уроке Закона Божия заигрался спичками, и из-под стола пошёл лёгкий дымок. Священник Николай Рыбников насторожился: “Это ещё что?” И тут же потребовал, чтобы Ватутин выложил спички и сдал учебники. А это уже означало исключение из училища. Будущий генерал так сильно плакал, что успокаивать его пришлось самим учителям. Как лучшего ученика, его всё-таки простили, и учёба продолжилась...»

Через год грянула Первая мировая война. И хотя залпы её орудий грохотали далеко – за многие сотни верст – хриплые раскаты этих залпов незримо присутствовали и в Валуйках, и в людских сердцах. Ежедневно через станцию на фронт шли литерные эшелоны с пушками, снарядами, полевыми кухнями, солдатами, лошадьми, а оттуда – встречные с ранеными, беженцами... Школы, помещения спиртоводочного завода были отданы под лазареты. Ночную тишину города часто разрывали громкие причитания женщин, грустные звуки гармошек и песни крикливых пьяных новобранцев:

Прощай, папаша и мамаша,  
Прощайте, все мои друзья!  
Прощайте, все мои кусточки,  
Прощай, любимая моя!

В один из дней ушел на фронт и Колин отец. Не осталось вне войны и училище. Перед началом уроков учителя в обязательном порядке зачитывали своим воспитанникам сводки с фронтов, печатавшиеся в газетах. Нередко плановые уроки заменялись внеплановыми, на которых Коля с товарищами обмётывал портянки, упаковывал посылки для солдат-земляков, воевавших в составе 290-го пехотного Валуйского полка на Северо-Западном фронте. Кроме того, учащиеся, в числе которых был и Коля, регулярно бывали в лазаретах, где устраивали концерты для раненых, писали от имени фронтовиков, не знавших грамоты, письма их родным и близким.

В 1915 году Коля успешно окончил училище. Как лучшему выпускнику ему была предложена возможность продолжить образование. Для этого в уездном городе ежегодно объявлялся специальный конкурс «на стипендию в коммерческое училище для способнейших из оканчивающих начальные школы Валуйского уезда». Однако экзамены были очень строгие, но Коля их выдержал и был сразу зачислен на третий курс коммерческого училища, находившегося в большой торговой слободе Уразово, в тридцати километрах от уездного центра.

«Это учебное заведение было открыто Валуйским уездным земством 1 сентября 1910 года и первоначально называлось земским реальным училищем; через два года оно было переименовано в коммерческое училище, – вспоминал позднее однокашник Ватутина по училищу Г. Ф. Денисенко. – Кроме хорошей библиотеки училище имело химическую лабораторию, а с 1914 года при училище стал работать небольшой завод по переработке фруктов и овощей. Учёба в училище стоила очень дорого – 100 рублей в год, что равнялось в то время годовой оплате взрослого мужчины на сельскохозяйственной работе. Поэтому в первые годы половина учащихся была земскими стипендиатами, набравшимися по конкурсному

экзамену... Стипендиаты обязывались по окончании училища и поступлении на работу полностью уплатить земству израсходованные на них средства. Одним из таких стипендиатов и был Н. Ф. Ватутин. Для стипендиатов при училище был интернат со строгим режимом закрытого учебного заведения, где постоянным правилом было соревнование воспитанников в учёбе...»

И далее: «Ватутин был моим школьным товарищем, он был так же, как и я, земским стипендиатом и учился в Уразово в коммерческом училище. Мы с ним два года жили в одном общежитии, но он был на четыре года моложе. Это был мальчик небольшого роста, очень аккуратный и дисциплинированный, крайне выдержанный и вежливый. Учился он хорошо. Но особенно любил свою Чепухинку и часто ездил туда из Уразово».

Однако учиться Коле было суждено всего лишь два года. Наступивший 1917 год внес в его судьбу, как, впрочем, и в судьбы миллионов людей, свои поправки. С пронизывающими февральскими ветрами в Валуйки пришла весть о Февральской революции и об отречении императора Николая II от престола. А дальше всё закружилось в неистовом вихре. Шумные непрерывающиеся митинги под лозунгом «Долой царя!». Рабочие и солдаты с красными бантами на одежде. Горластые, словно утренние петухи, ораторы-говоруньи. Клятвы, обещания, призывы, обличения...

Наш герой стал невольным свидетелем всех этих событий, перекатами катившихся по краю. Под громкие и восторженные крики «ура-а-а!» рушилась работавшая прежде вся государственная система. Вскоре Коля ощутил это на себе: ему перестали выплачивать стипендию. Впоследствии в автобиографии Ватутин напишет: «В 1917 году весной стипендия была прекращена, и я вынужден был бросить учебу, закончив лишь 4-й класс училища».

Недоучившимся Коле домой ехать не хотелось. Но и деваться было некуда. В семье обрадовались его возвращению. За время учебы он повзрослел, возмужал. Так что как работник он был очень кстати. А дел и забот на селе никогда мало не бывает: то посевная, то сенокос, то уборочная... И всегда для Коли находилась работа, а выпадало свободное время – учил грамоте младших братьев и сестер и сам много занимался самообразованием. Чуть позже подвернулась и постоянная работа – его взяли переписчиком в волостное правление. Деньги там платили хотя и небольшие, но, как любил говорить дед Ватутина, «копейка к копейке и проживет семейка». Так и жили.

На должности переписчика и застала Колю очередная революция, теперь уже Октябрьская. И опять народ повсеместно забурлил, радуясь концу войны, одновременно требуя землю и свободу. В Чепухинке самым насущным вопросом стал вопрос о земле, поскольку новая власть отменила частную собственность на нее и передала в управление волостным комитетам и уездным Советам. Вернувшиеся с войны солдаты-фронтовики истосковались по хлеборобскому труду и хотели как можно скорее получить свои наделы. Тем более что в некоторых соседних селах и хуторах помещичьи земли, имущество и скот уже успели поделить.

На очередном сельском сходе, а их тогда проходило много, Колю единогласно избрали председателем комиссии по разделу земли. Против и воздержавшихся не оказалось. «И ничего, что хлопцу нет шестнадцати годов, что мал ростом, – чуть ли не в один голос сказали люди на сходе, – зато он честный, грамотный, справедливый. Такой председатель нам и нужен». Однако дело, которое Ватутин-младший взвалил на свои юношеские плечи, оказалось не только ответственным, но хлопотным и беспокойным. По воспоминаниям односельчан-старожилов, процедура раздела земли проходила трудно, болезненно. Мужики постоянно конфликтовали, выказывали недовольство. Случалось, в ход шли не только кулаки, но и колья. Уже распределенные наделы перемеряли по нескольку раз на дню. Причем наиболее крикливыми были те мужики, которые никогда не держали в руках плуга, не пахали и не сеяли.

– Мы кровь проливали! Ежели обмеришь – гляди, мы острастку на тебя быстро същем! – с нотками угрозы орал они.

В такие минуты председатель комиссии Ватутин всегда старался сохранить выдержку и спокойствие. И одновременно он умел разрешить спор, убедить кипятившихся земляков в том, что межа между их наделами проведена правильно. Так проходил наш герой свои первые жизненные университеты. Постоянно общаясь с людьми, юный Ватутин познавал сложный мир человеческих отношений, накапливал управленческий опыт, что в последующем ему, командиру Красной армии, не раз пригодится.

Между тем установившаяся в уезде советская власть продержалась недолго. Уже весной 1918 года в Валуйский уезд нагрянули германские войска. Повсюду зазвучала грубая немецкая речь. В мундирах цвета фельдграуб<sup>6</sup> и тяжелых сапогах, в стальных рогатых шлемах, с большими ранцами за плечами и винтовками с примкнутыми штык-ножами – такими запомнились германские вояки Ватутину.

Приход кайзеровских войск явился следствием событий, происходивших в 1917–1918 годах на Украине. Провозглашенной Центральной радой в ноябре 1917 года Украинской Народной Республике (УНР) был отмерен короткий срок. В январе – феврале 1918 года в Киеве и на всей территории Украины утвердилась советская власть. Однако Советы не сумели её удержать. На Украину после заключения Брестского мира вступили немецкие войска. В обмен на военную помощь против Советской России УНР обязалась поставить Германии и Австро-Венгрии до 31 июля 1918 года 1 млн тонн зерна, 400 млн штук яиц, до 50 тысяч тонн мяса крупного рогатого скота, а также сало, сахар, пеньку, марганцевую руду. 1 марта германскими войсками в Киеве была вновь приведена к власти Центральная рада, а вскоре при поддержке Германии главой Украины стал П. П. Скоропадский, в недавнем прошлом генерал-лейтенант русской армии, а теперь «Его светлость ясновельможный пан гетман Всея Украины». В дальнейшем, используя в качестве формального повода отсутствие договора о границе между Советской Россией и Украиной, немецкие войска захватили ряд ключевых населенных пунктов на территории России, в том числе Белгород, Грайворон, Валуйки...

Сразу за немцами нагрянули шумливые гайдамаки с обвислыми, как у сомов и вьюнов, усами и украинской мовой. В широченных шароварах и в смушковых папахах. Белгородский, Грайворонский, Валуйский и другие уезды со смешанным русско-украинским населением были объявлены «споконвично украинськими» землями. Во вновь присоединенных к Украине уездах появились «герры коменданты», повитовые старосты и военно-полевые суды. Стали создаваться комендатуры как германские, так и украинские. В городах и сёлах выросли виселицы, начались массовые убийства. Граждан, уклоняющихся от работы на новых хозяев, арестовывали, заключали в тюрьмы. Оккупанты забирали у населения скот, рожь, пшеницу, масло, сало и всё награбленное вагонами отправляли в Германию.

Позже, 4 января 1919 года, газета «Воронежская беднота» писала: «Тяжело жилось трудящимся массам Валуйского уезда под игом гайдамаков и немцев. Порка, тяжелая контрибуция – вот что непрерывно испытывало на себе население. Хлеб, мясо и все продукты питания отбирались у крестьян беспощадно. Понятно, что все с нетерпением ждали восстановления Советской власти...»

Валуйский уезд оказался разделенным на две половины: одна его часть, включая Валуйки, была занята немцами и гайдамаками, другая – отрядами красных партизан, которые держали позиции по линии сел Мандрово – Никитовка (в северной части уезда). Чепухино находилось в партизанской зоне. Практически все мужское население села тогда встало на защиту своей земли. В уезде начала формироваться повстанческая армия, в которую вступили отец Коли Федор Григорьевич и старший брат Павел. Колю же оставили старшим мужиком на хозяйстве.

---

<sup>6</sup> Серый цвет с преобладанием зелёного пигмента.

Но к концу 1918 года из уезда, словно огромные стаи ворон, снялись и разлетелись в разные стороны с награбленным добром и оккупанты, и гайдамаки. Немцы подались назад в Германию, где произошла революция. Гайдамаки, оставшись без поддержки союзников, пошли искать лучшую долю на бескрайних просторах Украины. По стране уже катилась огромным огненным клубком братоубийственная Гражданская война, разбрасывая искры по городам и весям. Брат пошел против брата. Сын против отца. Офицеры и солдаты некогда единой русской армии смотрели друг на друга сквозь прорези прицелов мосинских винтовок. Красные и белые. Белые и красные. Россия начала умываться кровью.

В июле 1919 года, прорвав фронт и смяв красные полки, в уезде обосновались части генерала А. И. Деникина, а потом другого белого генерала – А. Г. Шкуро. Правда, хозяйничали они недолго. Уже в ноябре того же года, будто грозная буря, пронеслись здесь лихие конники С. М. Будённого, освободив деревни и села от белогвардейцев. С приходом Красной армии большая война в здешних местах закончилась. Но все равно еще было беспокойно: рядом, в соседней Украине, промышляли бесчисленные банды и группы, которые нет-нет да и наведывались в гости, чтобы грабить мирное население и расправляться с представителями советской власти.

Хватало и своих бандитов – в здешних краях оперировали банды Каменева, Титко, Манченко, которым были знакомы все тропы, яры и дубравы, а по селам и хуторам они имели верных людей. Но как ни осложнялась обстановка, советская власть становилась всё прочнее и крепче. Больше веры к ней было и у простого народа. Однако страну, провозгласившую эту власть, нужно было защищать с оружием в руках.

В двадцатых числах апреля 1920 года посыльный из Валуйского уездного военкомата доставил в дом Ватутиных повестку о призыве Николая Ватутина в Красную армию. Как водится в таких случаях, состоялись проводы. Непышные, негромкие. Подняли по чарке-другой мужики-односельчане. Отец и старший брат дали Николаю нужные напутствия. Новобранцу собрали в холщовую сумку запас продуктов: шматок сала, варёные яйца, несколько луковиц и хлеб. Всплакнули мать и сестры – как же без слез! И в путь-дорогу!

## Глава 2

### Товарищ краском

Был один из последних апрельских дней. На нежно-голубой холстине неба сияло солнце. Благоухали цветущие каштаны и акации. Ватутин шагал с партией новобранцев по широким улицам Харькова. На нем были надеты выдавшее виды полупальто, латаные-перелатанные штаны, а на ногах – вконец изношенные сапоги. Довершал его «экипировку» старый дедовский картуз с изорванным козырьком. По совету отца Николай надел всё то, что не жалко будет выбросить, когда выдадут военную форму.

– Все равно вся твоя одежда пойдет на тряпки для хозяйственных нужд и на ветошь для чистки оружия, – со знанием дела проинструктировал он сына.

Впрочем, другие новобранцы тоже были одеты не для свадьбы. Их весьма потрёпанный вид, стоптанная обувь – служили тому подтверждением.

Старший команды – взводный командир лет двадцати пяти, в буденовке и шинели, на левом рукаве которой красовался ромб малинового цвета со звездой и перекрещенными винтовками, зычно покрикивал на новобранцев:

– Шире, шире шаг! Не крути головой!

А как не крутить, если вокруг столько всего интересного: трамваи, автомобили, высокие дома с колоннами и античными фигурами, наконец, красивые, улыбающиеся девушки в сапожках... Прежде Николай не бывал в таких крупных городах. Но Харьков был не просто большой русский город, а являлся в то время столицей Украины. Поэтому Ватутину уж очень хотелось хоть краем глаза увидеть столичную жизнь.

Вскоре нестройная колонна остановилась перед серыми железными воротами с нарисованной на них красной звездой. Два красноармейца с винтовками на плечах быстро распахнули тяжелые створы, а после прохода новобранцев также быстро их закрыли. И как-то в одно мгновение эти ворота со звездой разделили жизнь нашего героя на две части. На той стороне остались трамваи, магазины, дома с колоннами, девушки... А за стенами военного городка для Ватутина началась совсем другая, еще незнакомая жизнь с ранними подъемами, ночными тревогами, бессонными караулами, многокилометровыми марш-бросками и еще многим другим, что именуется военной службой. Ему отвели, как и всем молодым солдатам, место в казарме на нарах с соломенным матрасом, выдали обмундирование, ботинки с обмотками.

– Рота подъем! – каждое утро звучал в спящей казарме голос дежурного или дневального.

С этой короткой, как винтовочный выстрел, команды теперь начинался день красноармейца Ватутина и его сослуживцев. Зарядка, утренний осмотр, завтрак, развод на занятия. Потом – обед, полчаса личного времени, снова учеба. Дальше – ужин, личное время, вечерняя прогулка с песней. К слову сказать, едва ли не с первых дней службы Ватутин стал ротным запевалой. А пел он, как дед и отец, замечательно. «Смело мы в бой пойдем за власть Советов и, как один, умрем в борьбе за это...» – звонким голосом заводил Ватутин. Песню тут же подхватывала вся рота. Пели дружно, с присвистом. Закончив прогулку, рота строилась на вечернюю поверку, после чего звучала долгожданная команда «Отбой». Утром всё повторялось вновь.

Основной задачей 3-го запасного стрелкового полка, где начал службу Ватутин, являлась подготовка личного состава для пополнения частей действующей армии, а также формирование новых подразделений. Курс обучения был рассчитан на два месяца и включал в себя следующие дисциплины: уставы, политическую, стрелковую, строевую, тактическую и физическую подготовку. Кроме того, в процессе учебы нашему герою приходилось нести внутреннюю и караульную службу.

Ватутин оказался способным солдатом. Трудолюбие, дисциплинированность, ответственность позволили ему за короткое время успешно освоить программу обучения. Уже через месяц группу наиболее подготовленных бойцов, в числе которых был и Ватутин, отправили для дальнейшего прохождения службы в 113-й отдельный запасной батальон, дислоцировавшийся в Луганске. Батальон был полностью укомплектован, отличался высокой дисциплинированностью и отменной выучкой личного состава. Среди командиров было немало бывших офицеров царской армии, прошедших не только горнило Первой мировой войны, но успевших повоевать в войне Гражданской. Так что поучиться у них было чему.

С постоянной регулярностью литерные маршевые роты, прошедшие подготовку, отправлялись в действующую армию, поскольку обстановка на фронтах вновь обострилась. На Западном фронте панская Польша, отвергнув советские мирные предложения, начала активные боевые действия. На юге барон П. Н. Врангель, собрав в мощный кулак остатки белой армии, при поддержке тысяч орудий, сотен самолетов и невиданных доселе танков, пытался остановить наступление Красной армии. Жарко и беспокойно было везде.

В тот период красноармеец Ватутин написал три рапорта с просьбой отправить его на фронт, но все они были оставлены командованием без удовлетворения. Мотивировался отказ тем, что здесь, в тылу, тоже идет война. Только эта война в отличие от той, что шла между красными и белыми, носила форму бандитизма. В тех местах, где служил Ватутин, повсюду рыскали многочисленные банды, с которыми боролись подразделения ЧК, внутренней охраны (ВОХР) и внутренней службы (ВНУС), части особого назначения (ЧОН) и некоторые другие военизированные формирования. На борьбу с ними были отряжены и регулярные армейские части, в том числе 113-й отдельный запасной батальон.

Под Луганском Ватутин получил боевое крещение. В дальнейшем он регулярно участвовал в схватках с бандитами. В одном из боев Ватутин заменил раненого командира взвода. Взяв командование на себя, он повел товарищей в штыковую атаку.

– За советскую власть! В атаку, вперед! – призывно позвал Ватутин товарищей за собой.

Шли практически на верную смерть против окруживших их у небольшой балки махновцев. Однако красноармейцы не только прорвали кольцо окружения, но и заставили бандитов отступить. Позже, будучи комбригом, Ватутин так напишет о том горячем времени в автобиографии: «...Участвовал в походе против Махно в районе Луганск – Старобельск в течение всего сентября 1920 года».

В том же сентябре 1920 года в батальон пришла разрядка отобрать из числа лучших красноармейцев кандидатов для учебы на курсах красных командиров в городе Полтаве. Согласно указаниям рассматривались только выходцы из рабочих и крестьян. Командование батальона остановило выбор на нескольких красноармейцах. Среди них был и Ватутин, который отвечал всем требованиям, предъявляемым к кандидатам. Во-первых, происходил из крестьян; во-вторых, был хорошо подготовлен в военном отношении и имел за плечами боевой опыт. Также Ватутин считался одним из самых грамотных бойцов батальона. Ведь чтобы быть зачисленным в списки курсантов, кандидат должен был уметь прочитать и пересказать на русском языке предложенный ему текст. Поэтому, когда Ватутина вызвали на беседу к командиру и комиссару батальона, ни у одного, ни у другого не возникло никаких сомнений по предложенной кандидатуре. Дело оставалось за малым – согласие кандидата. Ватутин его дал, хотя еще терялся в сомнениях по поводу своей командирской стези.

Как известно, солдатами не рождаются, ими становятся. Маршал Советского Союза А. М. Василевский в своей книге «Дело всей жизни» так написал о красноармейце Ватутине: «Суровый солдатский труд явился для будущего полководца первой школой, которая воспитала в нем безупречное отношение к выполнению воинского долга, твердость характера, решительность в действиях. Военное дело оказалось его призванием».

В конце октября 1920 года Ватутин уже был в Полтаве. В дороге с ним произошел курьезный случай. На станции Красный Лиман его чуть не приняли за врангелевского шпиона. А дело было так. Выехав из Луганска на следовавшем с Южного фронта в Полтаву санитарном поезде, Ватутин решил «подтянуть» знания своих товарищей в арифметике. Бумаги не было, поэтому стены вагона заменили ему классную доску. Вооружившись мелком, он начал урок. На станции Красный Лиман, забитой литерными воинскими эшелонами, санитарный поезд загнали на запасной путь. Чтобы не сидеть в вагоне, Ватутин продолжил занятие с сослуживцами на свежем воздухе. Теперь доской стала служить наружная стена вагона. Исписанная вся цифрами, она и вызвала подозрение у одного из железнодорожников. Он принял таблицу умножения за секретные шифры, а того, кто все это написал, за врангелевского «шпиёна». Чересчур бдительный и придирчивый путеец тут же привел солдата из отряда охраны станции. В этот же момент, как назло, куда-то отлучился старший команды с документами.

– Какой же я, браток, тебе шпиён, когда я красноармеец 119-го батальона, еду с товарищами учиться на курсы красных командиров в Полтаву, – пытался доказать Ватутин, кто он есть на самом деле.

Но боец оставался непреклонен и задержал Ватутина до выяснения обстоятельств. И только после возвращения старшего команды подозрения с Николая были сняты. Позже он всегда с улыбкой вспоминал об этой страничке своей биографии.

Ватутин был зачислен на 29-е пехотные Полтавские советские курсы красных командиров, которые находились в самом центре Полтавы, в здании бывшего Петровского кадетского корпуса. Основанный в конце 30-х годов XIX века в честь победы русской армии над шведами в Полтавской битве корпус на протяжении многих лет готовил юношей к военной службе. Теперь по его величественным мраморным лестницам, паркетным полам вышагивали в вылинявших гимнастерках и стоптанных ботинках с обмотками будущие краскомы.

Не без волнения Николай переступил порог исторического здания, где буквально всё было пропитано армейским духом: бронзовая скульптура Петра I, диорама Полтавской битвы, боевые реликвии с полей сражений, бюсты выдающихся русских полководцев... Но были здесь и атрибуты нового времени: почетное Красное знамя ВЦИКа; огромная карта-схема боевых действий Красной армии на фронтах Гражданской войны. А прямо в вестибюле на стене красовался огромный плакат, на котором на фоне большого здания с колоннами был изображен молодой рабочий с молотком за поясом, положивший руку на плечо крестьянскому парню в лаптях. Чуть в стороне – группа убегающих юношей в форме юнкеров. В правом углу плаката и по центру крупными буквами было написано: «Раньше здесь обучались сынки буржуазии, – теперь идите вы рабочие и крестьяне на командные курсы».

Срок обучения на Полтавских командных курсах, как и на других аналогичных, согласно приказу наркома по военным делам № 104 от 28 января 1918 года, включал в себя семь месяцев, из которых четыре отводилось на подготовительный курс и три – на военный. Программа обучения была насыщенной и сложной. Далекое не всем вчерашним рабочим и крестьянам она была под силу. Однако Ватутин быстро втянулся в учебу, настойчиво и целеустремленно овладевал военным делом.

Весной 1921 года курсы были преобразованы в пехотную школу с трехгодичным сроком обучения и получили наименование 14-й Полтавской пехотной школы командного состава. В результате этой реорганизации более чем втрое был сокращен личный состав прежних курсов. Для продолжения учебы оставили лишь наиболее подготовленных и дисциплинированных курсантов, в том числе и Ватутина. К этому времени он уже окончательно укрепился в своем выборе стать кадровым военным.

Потекли напряженные курсантские будни: лекции, семинары, строевые занятия, физподготовка, полевые выходы, караулы... Главная задача школы состояла в том, чтобы подгото-

вить общевоинских командиров-единоначальников, хорошо знающих военное дело и умеющих научить этому делу подчиненных.

Ватутина повезло с учителями. Преподавательский корпус школы состоял из опытных, хорошо знающих свое дело специалистов. Например, руководителем тактики был бывший офицер царской армии, кавалер шести орденов, полученных за храбрость на фронтах Первой мировой, А. Я. Крузе. Все новое, полезное в тактике, приобретенное за время Первой мировой и Гражданской войн, он старался передать своим питомцам. Авторитетным командиром и наставником считался С. М. Скрабелинский, также в недавнем прошлом офицер царской армии. Большим уважением у курсантов, за редким исключением, пользовались другие преподаватели школы.

В июне 1922 года начальником школы был назначен бывший офицер царской армии Иван Петрович Сальников. Он участвовал в Первой мировой и Гражданской войнах. Про таких обычно говорят: «военная косточка». Это был широко образованный командир, наделенный прекрасными человеческими и организаторскими качествами. Сальников весьма плодотворно занимался и военно-научной работой. Еще в 1919 году Реввоенсовет 11-й армии издал учебник тактики Сальникова для командных курсов. В своей работе автор сумел проанализировать и обобщить опыт Первой мировой войны, ее позиционные формы ведения борьбы с маневренным характером Гражданской войны. Чуть позже вышла в свет еще одна его работа – «Методика обучения курсанта в 14-й пехотной школе».

Формы и методы обучения в школе были различны: и лекции с конкретными примерами по определенным статьям Боевого устава, и решение тактических задач на ящике с песком, но главным оставались практические занятия в поле. Именно там Ватутин с товарищами постигал науку наступать и обороняться, ориентироваться на местности и привязываться к ней... Как это ему потом пригодится в реальной боевой обстановке!

Основательно курсанты изучали оружие и отработывали навыки стрельбы. В своем первом приказе при вступлении в должность начальника школы Сальников сделал особый упор на стрелковую подготовку будущих командиров: «Объявляю ниже сего описание приема прицеливания, приказываю принять его в школе к руководству. Этот способ допускает в течение часа проверить правильность наводки 30–40 курсантов. Отлично усваивается вся система стрельбы. Ни один человек не останется без ежедневной проверки. Все бойцы будут обучены в 3–4 раза быстрее...»

В армии приказ – это закон, который не подлежит обсуждению. Поэтому не было ничего удивительного в том, что каждый пункт приказа, подписанного Сальниковым, неукоснительно выполнялся. Как вспоминал впоследствии генерал-майор В. Т. Федин, однокашник Ватутина, «большинство курсантов с завязанными глазами разбирали и собирали револьвер, винтовку, станковый пулемет, причем в минимальные по времени сроки. Что касается стрельбы, то стреляли полтавцы из всех видов оружия отлично».

Благодаря Сальникову в учебный процесс постоянно вводились новые методики. Например, один из методических приемов назывался «курсант-корреспондент». Суть его заключалась в следующем: на занятиях по тактике одному из курсантов-старшекурсников разрешалось свободно передвигаться по всему полю и наблюдать за ходом учения. После занятий он должен был составить подробный отчет с анализом учения, сделать выводы, выставить оценку, а также внести предложения, опираясь на личный боевой опыт. Этот прием способствовал более глубокому изучению курсантом тактики, выявлял его командирские способности, вырабатывал у него умение мыслить самостоятельно. У Ватутина, по свидетельству однокурсников, всегда были лучшие отчеты. Они отличались обстоятельностью и четкостью изложения. Не случайно некоторые из них начальник школы зачитывал перед курсантским строем.

Как и в любом другом военно-учебном заведении, в школе много внимания уделялось строевой подготовке. Подтянутость, выправка, состояние обмундирования от курсантов тре-

бовались безукоризненные. К этим элементам внешнего вида завтрашних краскомов добавлялось ещё их умение в составе взвода или роты исполнять строевую песню. Тут многое зависело от запева, а точнее – от запевалы. Ватутин, о чем мы уже упоминали, был хорошим запевалой на прежнем месте службы. И здесь, в школе, его назначили ротным запевалой. Песни курсанты исполняли разные, но чаще всего звучала о красных командирах. Начинал звонким голосом Ватутин:

Школа красных командиров  
Комсостав стране своей куёт!  
Смело в бой вести готовы  
За трудящийся народ!

А дальше, как по команде, песню дружно подхватывала вся рота:

Эй, комроты, даёшь пулемёты!  
Даёшь батареи, чтоб было веселей!  
Эй, комроты, даёшь пулемёты!  
Даёшь батареи, чтоб было веселей!

На высоком уровне была поставлена в школе и физподготовка. Многокилометровые марш-броски с полной выкладкой, поднятие тяжестей, различные упражнения на спортивных снарядах – вот далеко не полный список того, что требовалось для физической закалки будущих краскомов. Надо сказать, что Ватутин как в строевом отношении, так и в физическом был подтянут и физически развит хорошо. 1-й курс школы Ватутин закончил круглым отличником. За успехи в учебе и службе его назначили сначала командиром курсантского отделения, а еще через год – помощником командира взвода. Но фактически ему пришлось командовать взводом курсантов, заниматься материальным обеспечением занятий, следить за состоянием оружия и надлежащим уходом за ним. Однако главным, безусловно, было проведение занятий по уставам, тактике, строевой подготовке. Вообще Ватутин пользовался высоким авторитетом среди своих однокашников. Авторитет этот он снискал своим ответственным отношением к учебе, требовательным подходом к себе и подчиненным, умением работать с людьми.

Впоследствии генерал-майор А. Ф. Скиба, бывший курсант отделения Ватутина, вспоминал, что в школе товарищи и преподаватели называли его «психологом» за удивительную способность найти общий язык с любым человеком, не теряя при этом собственного достоинства.

В один из дней в школу приехал командующий войсками Крыма и Украины М. В. Фрунзе. Посетив учебные классы, столовую, он не преминул побывать на полигоне, где на разных учебных точках курсанты на практике отрабатывали свои навыки в стрельбе, тактике, топографии. Рота, где служил Ватутин, как раз выполняла упражнение учебных стрельб из винтовки. Когда отделение Ватутина готовилось выйти на исходный рубеж, на стрельбище в сопровождении начальника школы Сальникова появился среднего роста человек, с рыжеватой бородкой и усами, в гимнастерке, бриджах и хромовых сапогах.

– Командующий! – прошептал кто-то.  
– Товарищ Фрунзе!

Ватутин сразу узнал полководца Гражданской войны – до этого видел его только на фотографиях в газетах. При виде командующего Ватутин не растерялся. Как и полагается в таких случаях, он четко доложил высокому гостю о том, что вверенное ему отделение готовится к выполнению упражнения учебных стрельб из винтовки. Поздоровавшись с курсантами, Фрунзе приказал продолжать стрельбу, а сам вместе с сопровождающими стал обходить другие

учебные точки. Судя по его добродушной улыбке, командующий остался доволен тем, как в школе идет обучения будущих командиров.

«Полтавская школа в подготовке курсантов добилась хороших результатов и по праву считалась одной из лучших школ в Красной армии, – вспоминал уже упомянутый выше генерал Федин. – Выпускники школы в войсках отличались хорошей подготовкой по сравнению с выпускниками других школ».

И в этом не было никакого преувеличения. За опытом к полтавцам приезжали руководители военно-учебных заведений из Харькова, Чугуева, Киева и даже из далекого Краснодара. Практиковалось и проведение двухсторонних ротных тактических учений. Нашему герою довелось поучаствовать в учебных боях с курсантами Чугуевской пехотной школы и Харьковской школы червонных старшин.

Между тем на протяжении всей учебы Ватутину приходилось участвовать и в настоящих боях, часто брать на прицельную мушку винтовки не фанерную мишень, а реального врага. Здесь, далеко от фронта, кишмя кишели банды всех мастей.

Совет труда и обороны РСФСР<sup>7</sup> 6 декабря 1920 года отмечал в своем решении, что «очищение Украины от бандитизма и тем самым обеспечение в ней устойчивого советского режима является вопросом жизни и смерти для Советской Украины и вопросом исключительной важности для всей Советской Федерации и её международного положения, а сама борьба с бандитизмом представляет большую и самостоятельную стратегическую задачу».

Как свидетельствуют документы, только в окрестностях Полтавы, Харькова, Екатеринослава<sup>8</sup> оперировали банды Черного, Чалого, Махно, Маруси, Короля, Кабана, Скирды, Левченко, Ромашки, Беленького, Бурлака, Шаповала... В селах и небольших городках власть менялась, бывало, по несколько раз за сутки. Днем над селом развевалось сине-желтое петлюровское знамя, ночью водружался черный с черепом прапор (знамя) батьки Махно. А поутру, если красноармейцам или чоновцам удавалось выбить из села непрошенных гостей, на том же месте уже реял красный флаг с серпом и молотом.

Бандиты убивали активистов, вырезали от мала до велика семьи советских служащих, грабили население, сжигали дома и имущество сочувствовавших Советам... Что касается командиров и комиссаров Красной армии, а также чекистов, махновцы с ними вообще не церемонились. Разговор был коротким: комиссар – смерть однозначно; чекист – смерть безусловная; красный командир – тоже смерть.

Руководивший войсковыми операциями по ликвидации бандитских формирований на территории Украины М. В. Фрунзе и сам однажды едва не попал в плен к махновцам. Выехав с адъютантом и двумя ординарцами в одно из сел на Полтавщине, Фрунзе неожиданно столкнулся с большой конной группой махновцев. Крикнув сопровождавшим: «Мчитесь в разные стороны!» – он круто повернул лошадь и вслед услышал: «Да ведь це сам командувач Хрунзе!» Командующий увидел, что его преследуют четыре всадника, и тут же открыл огонь из пистолета. Меткими выстрелами он уничтожил трех бандитов, но и сам был ранен. Однако к тому времени уже подоспело подкрепление.

В один из дней махновцы перехватили продовольственный обоз, который сопровождали десять курсантов школы, в которой учился Ватутин. Бандиты шашками изрубили весь караул, а затем, вытащив из мешков продукты, сложили туда обезображенные трупы и отправили этот страшный груз к воротам школы. К одному из мешков была приколотая кровью написанная записка: «Получите своих петушков». Чтобы читателю было понятно, о чем идет речь, поясним: петушками называли в те годы молодых красных командиров.

---

<sup>7</sup> Чрезвычайный высший орган РСФСР, действовавший в условиях Гражданской войны и военной интервенции.

<sup>8</sup> В 1926 году переименован в Днепропетровск, в 2016 году – в Днепр; ныне областной центр Украины.

Хоронили курсантов со всеми воинскими почестями. Покрытые красным сатином гробы опустили в братскую могилу. Один к другому, как в строю. Раскатистый троекратный залп из винтовок прогремел над городским кладбищем. В глазах Ватутина стояли слезы. Ведь погибших товарищей Николай хорошо знал. На их месте он мог и сам оказаться, равно как и кто-то из сослуживцев, стоявших сейчас с ним плечом к плечу в почетном карауле.

Не проходило недели, чтобы курсантов школы не поднимали по тревоге. Каждая такая тревога означала: где-то рядом с городом или в ближних уездах опять орудует очередная банда, которую необходимо ликвидировать. В такой обстановке постигал курс военных наук Ватутин: с учебником в одной руке, с винтовкой – в другой. И в любой момент его могла настичь роковая пуля.

Позднее в своей биографии Ватутин засвидетельствует: «Был в походах и боях против банды Беленького в районе Полтавы, Перещепино, Михайловка... Против Махно и других банд в районе Полтавского, Константиноградского и Зеньковского уездов Полтавской губернии и Валковского уезда Харьковской губернии».

Но беда, говорят в народе, не ходит одна, она как бы вызывает за собой другую. В 1921 году из-за засухи в стране разразился небывалый голод. Миллионы людей остались без куска хлеба. Существованию и без того измученному войной государству грозил новый страшный враг. Согласно данным официальной статистики, голод охватил 35 губерний (Поволжье, Центральное Черноземье, Южную Украину, Крым, Башкирию, Казахстан, частично Приуралье и Западную Сибирь) общим населением в 90 миллионов человек, из которых голодало свыше 20 миллионов человек. Число жертв составило от 1,5 до 2 миллионов человек. Люди вымирали деревнями. Ели хлеб со мхом, желудями, жмыхом, мякиной. В пищу шли также древесная кора, солома...

В один из дней перед строем курсантов зачитали воззвание Всероссийской центральной комиссии помощи голодающим при ВЦИКе ко всем рабочим и крестьянам, ко всем честным гражданам РСФСР. «Великое стихийное бедствие – голод охватил житницу России Поволжье и поставил перед угрозой смерти более 22 000 000 населения, – говорилось в возвании. – Советская власть делает все возможное для оказания помощи голодающим. Она обсемила озимый клин, отпустила ссуду для ярового, дала 12 млн пудов зерна для питания голодающего населения. Но необходима всеобщая помощь. Рабочие, служащие, красноармейцы должны установить ежемесячные отчисления в фонд помощи голодающим. Смерть косит немилосердно, трудящиеся, честные граждане должны сделать все, чтобы отвести руку смерти от голодающих».

Не обошел стороной безжалостный голод и родные места Ватутина, более того – его родную семью. Сначала умерли от голода самые младшие – брат Егор и сестра Клавдия. Вскоре пожаловался на озноб и тихо скончался отец Федор Григорьевич. Приблизила его смерть не только бесхлебица. В одну из ночей возле хаты завывали волки, отец забеспокоился: как бы они не задрали овец. Вышел в сарай посмотреть, и там его ударила испуганная волками лошадь, находившаяся рядом с овцами.

Вслед за Федором Григорьевичем на погост снесли и деда Григория. По свидетельству сельчан, старик умирал, положив под голову мешок с семенным зерном. Он мечтал весной посеять эти зёрна, чтобы к осени в закромах был хлеб. Дед скончался, так и не прикоснувшись к своему неприкосновенному запасу. Именно в собираемых семенах он видел спасение всей большой семьи.

К тому времени вернулся по демобилизации из Красной армии старший брат Павел – семье стало легче. В письме Николаю он сообщил, что «урожай в 1922 году обещает быть хорошим, но семья не надеется дожить до нового хлеба, мечтает о том, как дожить до теплых дней, до травы...». С горечью Павел написал о том, что хлеб есть у кулаков, «но они его не продают даже за большие деньги».

Ватутин находился далеко от родного дома и помочь ничем не мог, хотя известно, что часть своего пайка он регулярно отсылал в Чепухино. По его собственному признанию, в те жуткие месяцы окончилась его юность, он стал по-настоящему взрослым человеком. Впоследствии генерал-полковник К. В. Крайнюков, член Военного совета 1-го Украинского фронта, вспоминал об отношении Ватутина к хлебу. Прочитаем его рассказ:

«Однажды мы с ним [Ватутиным] отправились в войска первой линии, решив проверить организацию питания бойцов. И вот возле одной из походных кухонь генерал Ватутин обратил внимание на разбросанные хлебные корки и объедки. Он сразу нахмурился, посуровел и, обратившись к сопровождавшему нас командиру, приказал собрать личный состав. Затем, когда его распоряжение было выполнено, командуящий фронтом, генерал армии, сам в детстве познавший нелегкий крестьянский труд и нужду, напомнил бойцам о тех огромных усилиях, которые приходится прилагать, чтобы вырастить золотой колос. А потом нужно собрать урожай, обмолотить и помолоть зерно, выпечь добытый в поте лица хлеб наш насущный.

– Колхозный труженик не даст пропасть ни одной хлебной крошке, – говорил Николай Федорович. – Он все как есть подберет. А некоторые молодые солдаты еще не научились ценить и беречь хлеб – золото наше народное.

Он напомнил присутствующим о том, что в разоренных фашистами колхозах женщины и дети, заменившие ушедших на фронт мужчин, пахали на коровах, а подчас и сами впрягались в плуги, чтобы добыть драгоценный хлеб и накормить им прежде всего воинов на фронте. Напомнил о том, что в тылу страны жестко нормирована выдача продуктов, и сказал о том, что ленинградцы в дни блокады получали всего лишь четвертушку хлеба.

А потом вспомнил и о том, как в далеком 1921 году он вместе с товарищами по службе отчислял из своего курсантского пайка в фонд помощи голодающим.

– Хорошо памятен мне двадцать первый год, – произнес генерал армии Ватутин. – Умерли тогда от голода мой младший брат Егор, мой отец и мой дед. И все они мечтали хоть о крошечке хлеба...

Слова командующего произвели сильное впечатление на бойцов».

Между тем жизнь налаживалась. Черная полоса постепенно уступала место полосе белой. В стране догорали последние костры Гражданской войны. Повсеместно значительно улучшилось положение с продовольствием. После тяжких невзгод лица людей повеселели. Практически в штатном режиме протекали и будни школы, хотя, безусловно, случались незапланированные тревоги, а учебные бои сменяли бои настоящие.

В середине августа 1922 года в школе начались выпускные экзамены, продолжавшиеся две недели. По результатам испытаний Ватутин получил высшие баллы и окончил школу с отличием. А 1 сентября на знаменитом поле Полтавской битвы, где в 1709 году русские войска разгромили шведскую армию, состоялся первый выпуск красных командиров с вручением им дипломов об окончании Полтавской пехотной школы. В четких шеренгах застыли вчерашние курсанты. Блестели на солнце ровными рядами штыки, развевалось на осеннем ветру Боевое знамя школы, гремела медь духового оркестра... Из 120 человек, зачисленных два года назад в школу, налицо осталось только 80. Большинство из тех, кого не было в строю, погибли в боях.

На выпуске присутствовал командуящий войсками Крыма и Украины М. В. Фрунзе, который лично вручал питомцам школы дипломы. В числе первых при объявлении приказа прозвучала фамилия нашего героя:

– Ватутин Николай Федорович.

Услышав свою фамилию, Ватутин четким шагом вышел из строя.

– Поздравляю вас красным командиром, товарищ Ватутин. Желаю успехов в службе по защите Отечества! – широко улыбаясь, сказал Фрунзе и крепко пожал ему руку.

– Служу трудовому народу! – взметнув руку к козырьку, отчеканил Ватутин.

Время сохранило для нас те счастливые и незабываемые минуты выпуска. На пожелтевшей фотографии запечатлен Фрунзе, выступающий перед питомцами школы. В характерной позе, строгий. Перед ним застыл строй людей в военной форме. Молодые, красивые. Это первые командиры Красной армии, прошедшие обучение в Полтавской пехотной школе.

Как вспоминал один из питомцев школы, после вручения дипломов каждый выпускник подходил к Боевому знамени школы, опускался на колено и припадал губами к алому полотнищу. Волнующий и грустный ритуал был клятвой Родине, трудовому народу.

Мероприятие завершилось праздничным обедом, на котором Фрунзе произнес речь о задачах, стоящих перед виновниками торжества.

– Товарищи красные командиры, – обратился он к выпускникам. – Поздравляю вас с большим событием в вашей жизни. Сегодня вы влились в единую, монолитную семью комсостава. Вступление в командирский строй ставит перед вами и ряд новых задач. Из воспитанника и ученика каждый из вас превращается в воспитателя и учителя. Настоящим командиром можно стать лишь в результате длительной работы. Помните об этом всегда.

Эти слова Ватутин никогда не забывал и не раз убеждался в том, что только благодаря труду – деятельному, настойчивому, продуктивному – можно добиться результата или достичь поставленной цели.

Уже на следующий день, получив трехнедельный отпуск, Ватутин убыл в родные края. В буденовке, в новом обмундировании, в хромовых сапогах, с чемоданом, наполненным скромными гостинцами, он приехал в близкую сердцу Чепухинку. От радости заплакала мать.

– Успокойся, успокойся! – говорил он, припав к её тёплому лицу.

А сколько было восторга у братьев и сестер при виде их Коли! И не просто Коли, а командира Красной армии! Односельчане тоже приходили полюбоваться на земляка в военной форме да заодно расспросить о том, как у них будет складываться дальнейшая судьба. Селян тогда волновали и тревожили многие вопросы, поскольку жизнь в деревне была очень трудная.

Быстрокрылой птицей пролетел отпуск. За это время Ватутин успел стать семьянином. Обычно военные женятся на девушках из тех мест, где учатся или служат. Но он взял в жены свою землячку, Татьяну Иванову из деревни Вороновка, что неподалеку от Чепухина. Правда, чуть раньше Николай, рассказывала его родная сестра Матрена, сватался к одной девушке из родного села. Очень она ему нравилась. Однако будущий генерал получил отказ. «Вы – голытьба, такие родственники нам не нужны», – был ответ родителей девушки.

И вот теперь судьба свела его с Татьяной, которую он будет называть милой Танечкой. Она станет делить с ним, как и положено командирской жене, все тяготы и невзгоды военной службы. Сохранилась фотография, запечатлевшая молодоженов. Ватутин – в форме, Татьяна – в нарядном платье. Сразу после свадьбы Ватутин с супругой отправился в Харьков, где находился штаб 23-й Краснознаменной Харьковской<sup>9</sup> стрелковой дивизии. Начинала писаться очередная страница командирской биографии нашего героя.

---

<sup>9</sup> Наименование Харьковская дивизия получила в ноябре 1922 года.

## **Глава 3**

### **Становление**

В Харьков Ватутины приехали утром. Сойдя с поезда, они на трамвае добрались до штаба дивизии. Прибыв в штаб, Ватутин отправился в отделение кадров. А Татьяна осталась ждать мужа на скамейке в ближайшем сквере.

В отделении кадров Ватутину сообщили, что он назначается для дальнейшего прохождения службы в 67-й Купянский стрелковый полк, который дислоцируется в городе Чугуеве. Однако перед убытием туда Ватутина и еще нескольких назначенцев принял командир дивизии.

Вскоре Ватутин и такие же, как он, новоиспеченные командиры, уже были в кабинете комдива. Из-за стола быстро поднялся и вышел навстречу совсем молодой, лет тридцати командир соединения. Военная форма сидела на нем ладно, на груди поблескивал орден Красного Знамени. В его умном, пронизательном взгляде читалась строгость и одновременно выделялись открытость, доброжелательность. Также привлекали внимание подтянутость, строевая выправка командира. Это был Николай Яковлевич Котов, ставший впоследствии начальником Липецкой высшей летно-тактической школы ВВС РККА. Он поинтересовался, как проходила учеба, расспросил о преподавателях, задал несколько вопросов, непосредственно касающихся стрелковой и тактической подготовки. Само же напутствие командира дивизии было коротким, по существу.

– Главная ваша задача, – сказал Котов, – научить бойцов тому, что необходимо на войне.

Командир дивизии знал, что говорил. За его плечами были две войны – Первая мировая и Гражданская, на которых он был удостоен орденов за храбрость и имел пять ранений. Позднее комвзвода Ватутину еще не раз доведется видеться с Котовым – на учениях, строевых смотрах, проверках. Их пути пересекались и позже, когда Ватутин уже занимал более высокие командные и штабные должности, а Котов преподавал в Военной академии им. М. В. Фрунзе, был начальником штаба Военно-технической академии РККА и т. д. Но эти встречи проходили исключительно до 1937 года. В тот год 6 сентября комдив Котов (это воинское звание ему было присвоено в 1935 году) был арестован. Тогда же арестовали его жену, сына и дочь. Котова обвинили в шпионаже в пользу Германии, участии в военно-фашистском заговоре с целью свержения социалистического строя в СССР, подрывной и вредительской деятельности в РККА. Компрометирующими обстоятельствами послужили дворянское происхождение Котова, а также тот факт, что два его родных брата служили в белой армии генерала А. И. Деникина. В ходе следствия Котов признал себя виновным в участии в военно-фашистском заговоре, в январе 1938 года он был расстрелян в воронежской тюрьме. И только спустя почти двадцать лет, в 1957 году, талантливого командира Красной армии комдива Николая Яковлевича Котова реабилитировали.

Под жестокие колеса репрессий едва не попал и Ватутин, но об этом рассказ впереди. Пока же продолжим повествование о первых командирских шагах нашего героя.

Чугуев, куда прибыл служить Ватутин, чем-то напоминал его уездный город Валуйки. Такой же небольшой, тихий, с речкой Северский Донец, с кирпичными одно и двухэтажными домами, белыми хатами-мазанками под камышовыми крышами, палисадниками и садами. Проходила через город и железная дорога. Да и родословная у Чугуева была сродни Валуйкам. Основанный как город-крепость, он оберегал границы Московского государства от набегов крымских татар и ногайцев. Многие годы город оставался военным гарнизоном, местом лагерных сборов и смотров полков русской армии, ее материальной и людской базой. Как и Валуйки, Чугуев в XX веке оказался в эпицентре Гражданской войны. В нем побывали немецкие вой-

ска, части белой и Красной армий, казаки, матросы, украинские сичевые стрельцы. Но больше всего следов здесь оставили банды всех цветов и оттенков, коих на Украине, как сказано выше, было несметное количество.

Штаб и казармы 67-го Купянского стрелкового полка располагались в здании бывшего военного училища. Здесь и пошел отсчет службы молодого красного командира. Приняв под свое начало отделение, а затем стрелковый взвод, Ватутин с первых дней погрузился в командирские дела и заботы. Понятно, что не всё и не сразу у него получалось гладко. Да и других проблем было по горло. Бойцам не хватало обмундирования и обуви. Оставляло желать лучшего их питание. А у комсостава не было служебного жилья. Большинство командирских семей жили на частных квартирах. Семья Ватутиных не являлась исключением. Молодожены сняли крестьянскую хату в деревне Малиновке, что находилась рядом с городом. В той самой Малиновке, которая впоследствии, как считают некоторые историографы, будет прославлена в любимом многими поколениями зрителей фильме-оперетте «Свадьба в Малиновке».

Начало командирской службы Ватутина совпало с реформой в армии. В стрелковых дивизиях упразднялись бригады, которые преобразовывались в полки, а полки в батальоны. Теперь дивизия состояла из трех стрелковых полков, дивизионной школы младших командиров. Коснулись перемены и подразделений низового звена. Так, в стрелковом взводе имелось три отделения, три ручных и один станковый пулемет; в роте – три стрелковых взвода и взвод станковых пулеметов; в батальоне – три стрелковые роты и рота станковых пулеметов; в полку появилась шестиорудийная батарея полковой артиллерии и т. д. В целом единый штат стрелковой дивизии насчитывал 15 300 человек, 156 пулеметов, 24 орудия. В рамках реформы были созданы стрелковые корпуса как высшие тактические соединения сухопутных войск. Постепенно начали вводиться новые воинские уставы и наставления. В 1924 году в войска поступили Боевой устав пехоты (1-я часть), Устав по стрелковому делу, Строевой устав, Дисциплинарный устав, Устав внутренней службы, наставления и руководства по материальной части оружия, инженерному делу, связи, артиллерии. И хотя большинство уставов были временными – каждый из них являлся новым этапом строительства молодой Красной армии.

Параллельно шел очередной этап демобилизации. Домой – в семьи, к сохе, к станку возвращались отслужившие свой срок или отвоевавшие на «гражданке» бойцы. Если в 1920 году численность вооруженных сил составляла 5,5 млн человек, то к концу февраля 1923 года под ружьем осталось 610 тысяч человек. К началу 1924 года организационно Красная армия насчитывала 39 дивизий на кадровой основе и 22 дивизии на территориальной.

Сокращение армии давало возможность уменьшить расходы на ее содержание и освободившиеся средства перевести на развитие промышленности, транспорта и сельского хозяйства. Это позволяло также направить на восстановление народного хозяйства сотни тысяч демобилизованных красноармейцев. В соответствии с декретом от 28 сентября 1922 года об обязательной воинской повинности для всех граждан РСФСР мужского пола началась смена личного состава «ежегодным призывом» новобранцев «для отбывания обязательной военной службы одного возрастного контингента военнообязанных».

Стрелковый взвод, которым командовал Ватутин, в основном состоял из молодых красноармейцев. Поэтому ему приходилось их учить, что называется, с нуля. Учёба была напряженной. Занятия начинались с утра и заканчивались, когда вечерние сумерки опускались на военный городок. Обучал Николай своих подчиненных строевой и физической подготовке, теории стрельбы, тактике боя. Принцип был один, суворовский: «Тяжело в ученье – легко в бою». Отсюда и большие нагрузки на каждом занятии. Конечно, не всем это нравилось.

– Совсем вы нас загоняли, товарищ командир, – жаловались некоторые бойцы. – Изо дня в день мы только и знаем, что окапываемся, ползаем по-пластунски, совершаем маршброски...

Большим подспорьем молодому командиру служил журнал Украинского окружного объединения Военно-научного общества при командовании Вооруженных сил Украины и Крыма «Армия и революция», в котором освещались вопросы управления, излагалась методика организации и проведения занятий по тактической подготовке. Важную роль в обучении подчиненных играла политическая подготовка. Во время политзанятий Ватутин старался основательно «подковать» своих бойцов, чтобы они хорошо знали внутреннее и международное положение страны, понимали, для чего они служат и что защищают. Кроме того, он дополнительно занимался с солдатами, которые плохо владели грамотой.

Самое интересное, что и жена Ватутина была неграмотной. Сразу после свадьбы он основательно взялся за её обучение – негоже командирской жене быть необразованной. Начал полупушутя-полусерьёзно с того, что вырезал из картона буквы алфавита, развесил их на стенах хаты, над печкой, и Татьяна, не отрываясь от домашних дел, учила азбуку. Потом постепенно обучил её чтению, письму и арифметике. Супруга оказалась очень способной ученицей. Стремясь к знаниям, она не давала мужу покоя даже тогда, когда тот учился на курсах повышения квалификации.

Сохранилось письмо Николая Федоровича, в котором он даёт жене очередной урок математики. Вот строки из его послания:

«Здравствуй, милая Танечка!

Сейчас получил от тебя письмо. Спешу ответить.

Прежде всего о твоём несчастье, что у тебя нет учительницы. Постараюсь достать учебники. Теперь относительно процентов. Я не помню всего на память, ты посмотри всё, что мы получили по заочному обучению. Там, кажется, правила есть. Я же тебе сообщаю следующее:

Процент – это одна сотая часть всякого числа. Например: у тебя 100 рублей. Одна сотая часть от 100 рублей будет 1 рубль. Так этот один рубль и есть 1 % от 100 рублей.

Теперь три правила:

1) Требуется найти, какой процент составляет какое-либо число по отношению к целому числу.

Например: я получаю жалование 400 рублей, из них 40 рублей я уплатил за паек. Нужно узнать, сколько процентов составят эти 40 рублей по отношению к 400 руб. (к моему жалованию).

Лучше всего рассуждать так:  $400 \text{ руб.} = 100 \%$ . Узнаем, чему равен 1 %. Для этого  $400:100 = 4$  рубля. Значит, 1 % = 4 руб.

Теперь узнаем, скольким процентам равны 40 руб. Для этого нужно узнать, сколько раз 4 руб. содержится в 40 руб., то есть надо  $40 \text{ руб.} : 4 \text{ руб.} = 10$ . Значит, 40 руб. составляют 10 % по отношению к 400 руб.

Если ты уже прошла пропорции, то этот пример можно решить еще скорее. Для этого рассуждаем так...»

И дальше в деталях, «по косточкам», он объясняет решение новой задачи. Письмо это является замечательным документом, лишней раз характеризующим Ватутина как очень отзывчивого и заботливого человека. Всегда чутким было его отношение и к подчиненным во время проведения с ними занятий. Но уточним: требовательность при этом не отменялась.

Тогда же в его личном деле появилась такая запись: «Любит военную службу. Твёрдо знает своё дело. В обстановке разбирается хорошо и оценивает её правильно. Отличный стрелок и методист стрелковой подготовки. Являет собой пример для других командиров».

Уже через год Николай вывел свой взвод в передовые, за что получил ценный подарок от командования – именные наручные часы, которые он носил с большой гордостью. Позднее командование полка использовало еще одну форму поощрения способного молодого командира. Ватутина, а к тому времени он уже являлся помощником командира стрелковой роты, было предложено учиться в Киевской высшей объединённой школе командного состава с тем

расчетом, чтобы в последующем он мог двигаться по служебной лестнице. Ватутин дал согласие. В первых числах января 1924 года, сдав дела, он вместе с женой прибыл в Киев.

Город на Днепре – мать городов русских, как испокон века называют Киев, встретил Ватутиных двадцатиградусным морозом. Не прекращавшиеся несколько суток метели нахлобучили на крыши домов, зданий, купола церквей огромные снежные шапки. Мороз пробирал до костей. Над городом висели клубы дыма, поднимавшиеся из несчетного количества печных труб.

Однако на центральных улицах царило пестрое многолюдье, растекавшееся большими и маленькими ручьями по огромному количеству магазинов, лавок, кофеен, мастерских, коммерческих учреждений и контор... Подобного рода заведений, обвешанных всевозможными вывесками типа «Голярня», «Перукарня», «Цирульня», «Парикмахерская», «Молошна», «Молочарня», здесь было в изобилии. Они стояли чуть ли не на каждом углу. Киев жил, как и вся страна, в условиях нэпа<sup>10</sup>, и этим определялась его атмосфера.

Высшая объединённая школа командиров РККА, куда прямо с вокзала приехал Ватутин с супругой, находилась на Печерске – в старинной части Киева. В своё время живший здесь Н. А. Бердяев, впоследствии известный русский философ, подробно описал этот район: «Атмосфера Печерска была особая, это смесь монашества и воинства. Там была Киево-Печерская лавра, Никольский монастырь и много других церквей. На улицах постоянно встречались монахи. Там была Аскольдова могила, кладбище на горе над Днепром... Вместе с тем Печерск был военной крепостью, там было много военных. Это старая военно-монашеская Россия, очень мало подвергавшаяся модернизации».

А писателю М. А. Булгакову, коренному киевлянину, автору «Мастера и Маргариты», «Белой гвардии» и «Собачьего сердца», Печерск запомнился в свете костров войны: «Сказать, что “Печерска нет”, это будет, пожалуй, преувеличением. Печерск есть, но домов в Печерске на большинстве улиц нету. Стоят обглоданные руины, и в окнах кой-где переплетенная проволока, заржавевшая, спутанная. Если в сумерки пройти по пустынным и гулким широким улицам, охватят воспоминания. Как будто шевелятся тени, как будто шорох из земли. Кажется, мелькают в перебежке цепи, дробно стучат затворы... вот, вот вырастет из булыжной мостовой серая, расплывчатая фигура и ахнет сипло: “Стой!” То мелькнет в беге цепь и тускло блеснут золотые погоны, то пропляшет в беззвучной рыси разведка в жупанах, в шапках с малиновыми хвостами, то лейтенант в монокле, с негнувшейся спиной, то вылощенный польский офицер, то с оглушающим бешеным матом пролетят, мотая колоколами-штанами, тени русских матросов. Эх, жемчужина – Киев! Беспокойное ты место!..»

Правда, Ватутину и его жене уже не довелось увидеть Печерск ни бердяевский, ни булгаковский, хотя прошли-то считанные годы после описанных ими мирных и немирных событий. Жизнь в этом овеянном легендами районе города уже была более-менее налажена: ходили трамваи, в домах горел свет, из кранов текла вода, многие разрушенные войной здания и дома частично были восстановлены или заново построены. Благодаря нэпу полки магазинов и лавок ломились от продовольственных и промышленных товаров. Были бы, как говорится, деньги.

На Печерске Ватутины сняли комнату в доме, находящемся в десяти минутах ходьбы от школы. Но не повезло с хозяином жилья. Им оказался скаредный нэпман, всячески оберегающий от расходования свои деньги и имущество. К примеру, когда Ватутину нужно было готовиться к занятиям, хозяин, экономя электричество, как будто специально выключал свет. Возмущению не было предела, но приходилось мириться с такими кабальными условиями – снять другое жильё за сносную цену в районе было трудно. Денег же у Ватутиных всегда было впритык. Жалованье получал только Ватутин, а оно у слушателя школы было небольшим. И

<sup>10</sup> Новая экономическая политика, проводившаяся в РСФСР/СССР с 1921 года; она начала постепенно свёртываться с 1928 года и официально завершилась в октябре 1931-го.

уж совсем финансы запели романсы, когда хозяин квартиры, воспользовавшись тем, что Ватутины, заплатив вперёд, не взяли расписки, вторично потребовал с доверчивых квартирантов оплату за проживание. Ватутин счёл ниже своего достоинства вступить с жуликом в какие-либо тяжбы и, заняв деньги в кассе взаимопомощи, уплатил снова.

Впрочем, вернёмся в объединённую школу командиров, где начал учиться Ватутин. Учебное заведение располагалось в старинном крепостном здании со сводчатыми стенами, с окнами-нишами и с пушечными амбразурами. Раньше здесь размещалось Киевское пехотное военное училище. В своё время юнкером этого училища был Николай Булгаков, брат упомянутого писателя, послуживший прототипом Николки из романа «Белая гвардия». Ещё раньше, в конце XIX века здесь овладевал суворовской «наукой побеждать» будущий главнокомандующий Вооружёнными силами Юга России, один из организаторов Белого движения генерал-лейтенант А. И. Деникин.

Теперь же судьба назначила Ватутина учиться в этих стенах. Каждое утро он спешил сюда, чтобы как можно лучше овладеть командирской наукой. В то время в армии начинался очередной этап реформ. На пленуме ЦК партии, который состоялся в феврале 1924 года, было принято решение о проведении коренной перестройки в вооружённых силах страны и об обновлении военного руководства. Реформа предусматривала создание армии, состоящей из кадровых и милицейско-территориальных частей. Все мужчины трудового социального происхождения в обязательном порядке призывались на военную службу. Меньшая их часть проходила службу в кадровых формированиях в течение различных сроков в зависимости от рода войск, большая – в территориальных частях непродолжительное время, а потом периодически призывалась на кратковременные сборы. К территориальным формированиям относились только стрелковые и кавалерийские дивизии. В них примерно 20 % штата составляли кадровые командиры, политработники, а остальной состав был переменным и призывался ежегодно в течение пяти лет на месячные сборы. Обучение одного бойца в территориальном формировании обходилось государству в три раза дешевле, чем в кадровых частях, где призывной контингент служил несколько лет. Так, на одного красноармейца ежегодно затрачивалось: в кадровой дивизии – 267 рублей, в территориальной дивизии – 58 рублей; за весь период службы на подготовку одного бойца затрачивалось соответственно 535 рублей и 291 рубль. Однако по качеству подготовки территориальные части намного уступали кадровым частям, о чем свидетельствовали результаты проверок, смотров, учений, маневров.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.